

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ПОКИДАЯ ЮДОЛЬ СМЕРТИ

монахиня Александра (М.В. Захарченко)

Предложение обсудить антропологический идеал отечественного образования как нельзя более своевременно. Действительно, в основании педагогики лежит образ человека, и в статье А.А. Остапенко¹ заявлено много хороших и важных идей.

Идеал, заложенный в цель отечественного образования – «вращивание самостоятельного (самостоящего) здорового человека, стремящегося к духовному, нравственному, умственному и физическому совершенству», гораздо привлекательнее, чем «высоконравственный, творческий и компетентный гражданин России» из Федерального государственного образовательного стандарта. Однако в формулировке А.А. Остапенко мне не хватило второй части идеала, сформулированной в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России»: «принимая судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях русского народа».

Обсуждая с А.А. Остапенко полную формулировку антропологического идеала, я предложила ему дополнить его текст указанной формулой концепции. Вторым моим возражением было указание на непропорциональное, с моей точки зрения, фрагментирование цитаты А.С. Пушкина. Согласившись по существу, А.А. Остапенко, тем не

---

¹ Остапенко А.А. Взрастим человека, стремящегося к совершенству. Эскиз антропологического идеала будущей России // Исследования гуманитарных систем. Вып. 5. В поисках антропологического идеала / Научн. ред. и сост. А.А. Остапенко. М.: Народное образование, 2017. С. 7-18.

менее, предложил вынести нашу полемику в публичное пространство: опубликовать свою статью в исходной версии, а мне написать статью с моей аргументацией. Такова предыстория этого текста.

В этой статье я хочу ответить на два вопроса.

Первый. Почему формула А.А. Остапенко представляется мне недостаточной без этого дополнения, которое свидетельствует о двух очень важных качествах этого самостоятельного человека, стремящегося к совершенству – о его укоренённости в общем прошлом и готовности отвечать за общее будущее своего народа?

Второй. Почему я связываю недооценку укоренённости человека в судьбе Отечества с характером фрагментирования пушкинских стрóf в приведённой цитате?

На мой взгляд, точка несогласия – это не точка, а существенный парадигмальный пласт. Он помещается в плоскости пересечения различных парадигм восприятия времени, или, точнее, «мышления во времени» всемирного исторического процесса и его главного действующего лица – человека. Поэтому развернуть аргументацию систематически невозможно в одной статье, как бы она ни была обширна. В силу неподъёмности задачи систематической аргументации я ограничусь некоторыми репликами, указывающими хотя бы направление будущей дискуссии.

Вопрос об укоренённости в традиции – это вопрос об организации жизни и мышления, и прежде всего по трём взаимосвязанным вопросам: о соборной природе человека, о восприятии исторического времени и о призвании человека к вечной жизни.

Читая статью, я в недоумении остановилась на цитате из А.С. Пушкина, приведённой в таком контексте: «Слово «самостоятельный (самостоящий)» позволяет реализовывать и гуманистическое стремление к самостоятельности и православное основанное «от века по

воле Бога самого самостоянье человека – залог величия его».

Обрыв цитаты заставил помучиться. Ведь полностью стихотворение звучит так:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле Бога Самогó,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.
Как... пустыня,
И как алтарь без божества.

Для меня в нём звучит переживание связи времён, осмысливаемой мною как содержательная нравственная идея русского самосознания.

Обрыв текста в цитировании, на мой взгляд, искажает смысл пушкинского произведения. Я никак не могла увидеть в нём утверждения о том, что по воле Бога самого залог величия человека заключается в его самостоянии (самостоятельности). Я всегда читала в этом произведении другую мысль, парадоксальную, как всё у Пушкина, которая вела меня на протяжении десятилетий в лабиринтах русского самосознания, искусно огибающего капканы, расставленные западным рационализмом с его хитросплетениями – русскому патриотизму с нашей простой и цельной любовью к Отечеству. Мысль о том, что самостояние человека основано на этой удивительной и

непостижимой любви к «праху» – к пепелищу и гробам. Что самостояние имеет основание. Что человек стоит не «сам», пусть и по воле Бога, но стоит на этой любви, которая питает его сердце. Что наше самостояние нам не принадлежит. Не принадлежит нам, но является именно самостоянием, образуя залог нашего величия. Разве это не парадокс?

Ум волновало всегда и это таинственное умолчание – пепелище чего? Фразы «родное пепелище» и «отеческие гробы», очевидно, разворачивают римскую формулу верности Отечеству: «верность алтарям и очагам». Очаг, когда не горит, – это ведь пепелище. А отеческие гробы в доме римского патриция помещались в пределах принадлежащей ему земли, недалеко от дома с очагом, и рядом с ними располагался алтарь ларам, предкам рода. Алтари и очаги – это именно святыня. Залог величия человека – в любви к святыне. Святыня животворит, без неё пуста душа, мир пуст и мёртв алтарь, лишённый истинного Бога. Так я читаю это стихотворение, и его центром, живым нервом является именно этот парадокс «несамобытной самобытности» человека. Осваивая парадокс, ум осмысляет животворящую его святыню.

Парадокс – от παρά «возле, рядом» + δόξα «мнение, представление», «вопреки общепринятому». В рамках моего образования общепринятым был уже западный рационализм, гуманизм, пусть в классовой интерпретации марксизма, но на философском факультете доступны были и его первоисточники, согласно которым самостоятельность человека есть его главное достояние, а главная угроза самостоятельности – зависимость от прошлого, от исторического наследия, с которым необходимо разбираться очень решительно. С русским прошлым в советское время разбирались весьма решительно, и живое восприятие русских просторов, русских деревень в дни моей молодости, часть из которых я провела в этнографиче-

ских и архитектурно-археологических экспедициях, диковато восприятие пушкинской цитаты отнюдь не в римском контексте родовых святынь. Отечественные гробы – это забытые кладбища не только на отдалённых просторах России, но и в самом центре Петербурга (Смоленское кладбище тогда было совсем запущенным, с заброшенной часовней блаж. Ксении), заросшие травой могилы, покосившиеся кресты. Родное пепелище – это разрушенные храмы и монастыри, брошенные деревни, оползающие пустые пятистенные дома, когда-то вмещавшие в себя полную и радостную жизнь многопоколенных и многодетных русских семей, таких, как семья моих прабабушек. Жизнь, о которой лгали учебники истории – «тёмное, беспросветное существование нищих людей». «Как вы жили, бабушка?» – спрашивала я своих родных, спрашивала респондентов в этнографических экспедициях. «Как жили? Весело жили. Работали... Пели...», – отвечали они и потом пели русские песни, купаясь в их мелодичном разливе. Ликовала и трепетала душа.

Я впитывала в себя и эту разруху, и эту радость, и чувствовала всё сильнее нарастающую боль в душе, переживая ещё один парадокс русского самосознания. Эта боль питала моё сердце. Что это? Тот самый «русский мазохизм», «фатальное наследие православия с его культом страдания», который никак не даёт нам «войти в благополучную семью европейских народов» (цитирую какого-то борзого либерального автора)? Или это та самая тайна русского духа, из-за которой Россию «умом не понять» и «аршином общим не измерить»?

Сегодня, когда мне удалось восполнить моё образование знанием русской духовной традиции и жизнью в ней, я могу сказать, что́ это было. Это оживала душа, наполняемая образами Отечества. Потерявшие сознание и замёрзшие не испытывают боли. Боль возникает, когда отходит анестезия, когда возвращается сознание.

Мёртвая душа не отзовется болью на созерцание родных пепелищ, в ней возникнет только одно желание – закатать это безобразия в асфальт или построить на нём гипермаркет. Душа, болью пробуждаемая к жизни, будет возвращаться к ним, угадывая в знаках, оставленных прошлым, образ наследия, переданного предками для того, чтобы мы строили по этому образу наше будущее.

Наследием, которое мы приняли на пороге нового тысячелетия, оказалась не обустроенная столетиями благоустроенной жизни комфортная среда обитания, а животворящая святость – облик «сокровенного сердца человека» «в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пётр. 3: 4). Именно он оказался образом духовного совершенства, хранимым в русском предании. Очень ярко этот парадоксальный облик передаётся в действии святого Герасима Иорданского. Святой Герасим сумел подойти к дикому льву, обезумевшему от боли и вынуть из его загноившейся лапы застарелую занозу, причинявшую эту боль. Представляя себя рядом с таким львом, постигаю всю глубину формулы «кроткий и молчаливый дух». Дух, недоступный для страха, потому что он исполнен милосердия и сострадания.

Доблести и предания отеческие, о которых засвидетельствовали гробы и пепелища, называются ещё добродетелями – целомудрием, нестяжанием, мужеством, кротостью, милосердием, состраданием, любовью. Это наши традиционные ценности. Об их действенности и жизненности свидетельствует наша культура, её традиции. Залог величия человека – самостояние в добродетелях, унаследованных в любви к отеческому преданию... Вот как я в конце концов прочитала стихи А.С. Пушкина... Следовать отеческому преданию без любви не получается. Так высок горизонт совершенства, им очерчиваемый, так велика сила завета, отсекающая похоти человеческой

природы. В любви к ним мы получаем их помощь и точку опоры нашего самостояния в добродетели.

Русская весть о смысле и милосердии органически связана с христианским благовестием о спасении и преобразении человека. Оно совершается не во времени индивидуальной жизни человека, но во времени мировой истории, которая мыслится как Священная история. Наши традиционные ценности имеют своим истоком духовную жизнь человека, принявшего весть о Богосыновстве и Богочеловечестве. Человека, который «чаёт воскресения мёртвых и жизни будущего века». Антропологический идеал русской цивилизации – человек становящийся. Стремление к высшему совершенству как стояние в правде определяет жизнь человека в полном соответствии с греческим словом «ἀνθρώπος» – устремлённый вверх, прямо стоящий. Становящийся по образу и подобию Божию. А.А. Остапенко справедливо связывает образ совершенства с христианским образом Богочеловека. Вызывает только сомнения лёгкость, с которой он уравнивает значение предельно конкретного, засвидетельствованного полнотой отеческого предания образа Богочеловека и «абстрактного советского образа совершенной «всесторонне развитой гармоничной личности». Последний именно абстрактен. Какие живые личности стоят за ним? Настолько разные и противоречивые, что образ этот становится по меньшей мере двусмысленным.

Справедливо утверждение Андрея Александровича, что сегодня российская школа утратила антропологический идеал вообще, даже абстрактный. Это произошло с неизбежностью постольку, поскольку она декларировала в качестве ориентира цель «вхождения в глобальную цивилизацию». Проект же глобальной цивилизации декларирует отказ от образа как такового. «Новая культура» манифестирует «открытость будущему», эволюционный прорыв человека за пределы исторически удостоверен-

ных традициями образов человечности в дерзкой трансгуманистической перспективе. В современной философии, однако, достаточно чётко описан антропологический шифр глобального проекта. Это «человек потребляющий» (Ж. Бодрийяр). Антропологическим шифром я называю неличный тип антропологической перспективы. Глобализм декларирует открытость человеческого бытия, пластичность, многоликость, изменяемость человеческого обличия. Человеку предписано облекаться в самые разные личины, свободно конструировать свои «имиджи». Глобализм как идеология изымает из человека образ совершенства как внутренний принцип самоорганизации и замыкает его в круг потребностей, продуцируемых системой общественного производства. Глобальное образование, продуцирующее «человека потребляющего», почему-то присвоило себе название современного, т.е. единственно отвечающего духу времени, в котором мы сейчас живём. Глобалисты говорят, что быть современным, идти в ногу со временем – значит воспитывать вкус к потреблению, быть грамотным потребителем. Так и министр образования (к счастью, бывший) сказал, что наша задача – *«взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других»*, т.е. современного человека.

Между тем русское слово «современность» обращает нас к смысловой интуиции времени. Современный мир – это мир, у которого какие-то особые отношения со временем. На английском языке «modern world» происходит от латинского слова *modernus* (от *modo* – недавно, только что). На латыни нет смысловой переклички со словом «время». Палитру восприятия слова всегда дополняют смыслы сходных по звучанию слов: *modus* – мера, предел, граница, образ, способ. По смыслу это мера, способ жизни, появившийся «только что», недавно.

Идея модерна родилась в XVII веке в огне потрясений, которые в наших учебниках по истории описываются как «ранние буржуазные революции». Учебники концентрируют внимание на политических и экономических преобразованиях, на технической революции. В англоязычной же научной литературе большое внимание уделяется смене антропологического образа. Можно сказать, что это была европейская антропологическая революция – возникал новый человек. Идея нового человека была ясно декларирована, и большое значение в его появлении отводилось новому образованию. Им стал рациональный человек, разум которого ставился на службу его земному преуспеянию. Христианство не отвергалось, но должно было стать «умеренно-благоразумным», таким, которое не мешает земным радостям и достижениям, но дополняет их ещё и обещанием индивидуального бессмертия. Само понятие «благоразумия» меняло смысл: не «разум, устремлённый ко благу», а «разум, устанавливающий меру благам». В науке этот процесс называется «секуляризацией», когда достояние Церкви отнимается в пользу светской власти, светского общества. Можно говорить о секуляризации разума человеческого. В церковной традиции говорят об апостасии – Богоотступничестве. Мир модерна – это апостасийный мир.

Главный водораздел новизны проходил именно по линии установок в отношении к традиции, к Священному Преданию христианства. Новый человек не должен доверять традиции. Всё, полученное по традиции, необходимо проверять посредством правильно воспитанного разума, – такова основная установка модерна. Эта установка критического мышления полностью меняет отношение человека к такой способности нашей души, как вера. Веру начинают трактовать как недостоверное знание. Принятое на веру – значит не проверенное критическим мышлением. Для христианина же вера – это особая способ-

ность души, которая позволяет воспринимать Божественное Откровение. В основе Священного Предания – не открытия человеческого разума, а Откровение Бога, и внимающий ему «сокровенный сердца человек».

«Сокровенный сердца человек», воспитанный во Вселенской Церкви, по замыслу авторов модернизации, должен исчезнуть и уступить место новому человеку, ориентированному на земной успех, рациональному и умеренно-благоразумному. Modern world решительно утверждает себя как мир, способный пересоздать человека и утвердить совершенно новые условия его существования. В идеологии глобализма современный мир (modern world) – это новый мир. Это мир, свободный от «пут истории», от «ига традиций» и «оков религии», мир, порывающий с прошлым и открытый будущему.

Однако идея новизны не нова в истории. Moderni – так называли в римской империи христиан. Возможно, именно они наполнили смысловое пространство moderni переживанием беспрецедентной новизны совершившегося «только что». Христиане в том мире стали новыми людьми. Христианство вообще – это новое слово о человеке. Это всегда новое. Господь говорит: «Се творю всё новое» (Откр. 21: 5). Христианский завет – это Новый завет. Человек, последовавший за Христом – это новый человек.

И вот эти новые люди (в римской империи их называли moderni) были другими. Они жили иначе. Это другой образ жизни. Но не просто другой – в нём, удивительно притягательном, многие узнавали что-то давно утраченное, но родное и естественное. Как будто закон жизни христиан был написан в сердце у каждого человека и эти новые люди учили читать его и превращать в основание жизни. Известна история с великомучеником и целителем Пантелеимоном. Как он стал христианином? Был добрый знатный римский юноша, учился на врача. Он уви-

дел старика, и тот поразил его своими поступками, речью, манерой общения. Присмотрелся к образу жизни и был поражён ещё больше: «Кто ты такой, что так живёшь?» «Я христианин». «Научи меня своей вере, я тоже хочу так жить». И святой Пантелеимон последовал за новыми людьми, стал одним из них.

Достоинство христиан отвечало ценностям римской доблести, унаследованной от отцов (*patri*), составившей славу Отечества (*patria*), но утратившей силу определять реальную жизнь римлян. Доблести и предания отеческие превращались в мечту о прошлом, но утратили власть над будущим. Будущее римского мира оказалось во власти стихийных сил, стало игрищем мощных человеческих страстей. Христиане-*moderni* как будто запускали время в немыслимую петлю: то, что было прошлым – доблести и предания отеческие – становилось властно зовущим будущим, обновлённым, но узнаваемым и родным. Новые люди возвращали силу и власть отеческих доблестей их потомкам. В римском мире христианство совершало то же, для чего родился святой Иоанн Предтеча: детям возвращались сердца отцов, непокорные обретали образ мысли праведников.

Об этом захватывающем преображении древнего мира христианством хорошо сказал А.С. Пушкин: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство»². В сей священной стихии исчез и преобразился мир.

В современном (*modern*) мире можно различить два модуса (*modus*) его бытия: мир модерна и мир настоящего. Мир модерна оккупирует настоящее, пытается сузить его горизонт. Модерн разрывает связь времён, сворачивая настоящее в точку «здесь и теперь» (*modo*). Прошлое отсекается, информационное пространство превращает его в мифы, анекдоты, авантюрные романы или идеоло-

---

² Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. М.: Современник, 1982. С. 459.

гические стереотипы, полезные здесь и теперь. Будущее перемещается в виртуальный мир, для расцветивания которого используются две палитры: розово-золотая палитра мечты о «дивном новом мире» и чёрно-красная палитра мировой катастрофы.

Но настоящее – это не точка разрыва полноты времён, это Вселенная, в которой прошлое преобразуется в будущее. Как это происходит? Сначала настоящее становится прошлым. Люди, живущие в настоящем, всегда уходят в прошлое. Покидая историческое время, они входят в вечность, и там историческое прошлое смыкается с будущим, к которому стремимся и мы, направляемые образом совершенства, открывающимся нам в доблестях и преданиях отеческих. **Тот, кто остался в прошлом, оказывается в нашем будущем, ожидая нас в вечности.** Там, в будущем, нас встречает история нашего народа, все те, к кому мы с любовью обращались, вглядываясь в прошлое. Настоящее соединяет в себе прошлое и будущее. Живите настоящим – значит живите во времени перед лицом вечности.

Мир настоящего – это настоящий мир. Доверяя родному, мудрому и могучему (могучему открывать смыслы) русскому языку, услышим правильно: подлинный, истинный мир. Мир, каков он есть. Настоящее время – это время полноты времён, в нём свёрнуто прошлое и будущее. А.С. Пушкин очень хорошо назвал христианство переворотом. Переворот – это событие, которое не может уйти в прошлое. Это подлинное событие. Оно продолжается как настоящее, современное всякому времени. В этом событии истоки русской веры в вечную непобедимую преображающую силу добра и конечное торжество справедливости.

Антропологическая модель глобального проекта – это «современный человек». Антропологический идеал отечественной цивилизации – это **настоящий человек.**

Духовный смысл отечественной цивилизации – утверждение в непрерывности поколений облика «настоящего человека».

Есть два восприятия истории. Глобалистом история воспринимается только как прошлое. Действовавшие в прошлом люди умерли, их нет, важны только земные плоды их деятельности, которые достались ему как наследство. Тогда и будущее воспринимается как поле своевольной деятельности. Доставшийся капитал даёт возможности для самоутверждения и самореализации.

Если ты историю воспринимаешь как живую ткань, сотканную из деяний людей, каждый из которых ушёл в вечность с духовными плодами своей жизни, оставив на земле потомкам её земные плоды, тои наследие ты воспринимаешь как завещанное. Ты имеешь на него право только в той мере, в какой сумел исполнить повеленное теми, кто его тебе оставил.

Твоя собственная деятельность определяется завещанием времён. Прошлое и будущее связаны воедино. **Те, кто ушёл, они оставили тебе наследство и ждут тебя в будущей жизни.** Здесь разница: ты живёшь в истории или только пользуешься её плодами, не умея их преумножать. Так и дети, они живут тем, что доставляют родители. Не будет родителей, они останутся ни с чем. Ты взрослый тогда, когда живёшь исторической жизнью твоего народа, умеешь преумножать богатство его культуры.

Мир модерна – это не весь современный мир, это его часть, которая оккупировала настоящее и стремится вытеснить его. Идея новизны стала главной в революционных преобразованиях общества, которые потекли непрерывной чередой. Сегодня антропологическая революция уже совершается относительно самого модерна. Нового названия не придумали. Назвали просто «постмодерн». Но по сути мы имеем единый процесс пересоздания Вселенной, сжатия её в пределах глобуса. Происходит окку-

пация истории, и это стало особенно заметным в постмодерне. Модерн учил видеть в истории прогрессивное развитие, а себя – венцом этого развития. Постмодерн смотрит на историю как на свою собственность и заявляет своё абсолютное право свободно пересоздавать – «интерпретировать» – её под свои задачи

Сегодня общие контуры «глобального проекта» очевидны – информационное пространство переполнено аналитикой и его замысла, и его результатов. Тайное стало явным, скрытое – открытым. В этом смысле мы живём в эпоху Апокалипсиса. Ведь с греческого слово «ἀποκάλυψις» переводится как «откровение, снятие покрывала». Полагаю, что в осмыслении содержания и итогов советского периода отечественной истории необходимо учитывать фактор глобального проекта с его антропологическим шифром.

Оценивая итоги советского периода, воспроизведу позицию архимандрита Георгия (Шестуна), заявленную в серии его бесед на различных площадках. Революция совершилась под знаком потребительских стремлений народа – хотим потреблять так же, как элиты. На этой волне был выдвинут идеал нового человека, весь круг интересов которого ограничен земной жизнью. В облике советского человека причудливо переплелись черты потребителя и черты русского человека, воспитанного на идеалах христианства. Жертвенность, героизм, желание служить благу людей и всего человечества – это всё черты нравственного облика христианина. Но вирус апостасийной идеологии рано или поздно разрушает нравственные устои личности. Если человек смертен, если нет вечной жизни, то обязательно рано или поздно возникнет общество потребления. Потому что человек, зная, что всё ограничено временем его земной жизни, будет стремиться всё успеть, всё попробовать, достичь успеха в земной жизни любой ценой, любыми средствами. К системе об-

разования он будет обращаться только с одним запросом – обеспечить эту успешность любыми средствами.

Россия в 1917 году вырвалась на 100 лет вперед и полностью преобразовала свою идеологию на началах порыва в земной рай. Когда сегодня пытаются взять за основу советский идеал, забывают, что это новый апостасийный (безбожный) человек, который не имеет перспективы вечной жизни, и он рано или поздно превращается в человека-потребителя. Откуда все беды перестройки? Почему советский человек совершил это безумие разрушения? Потому что он внутренне уже был человеком-потребителем. Он хотел потреблять. Но не имел возможности. Образ человека-потребителя уже завладел им. И он захотел построить свою жизнь на основании образа общества потребления. Поэтому именно советские люди, выпускники советских школ, живущие вот этой только земной жизнью, в постсоветский период разрушали всё хорошее в нашем Отечестве для того, чтобы создать общество потребления, и к настоящему времени они достигли больших «успехов». Поэтому мы видим, что сегодня для многих родным домом стала Европа, а в России уже всё направлено на то, чтобы формировать человека потребляющего. И на это переориентировали всё: систему, мировоззрение, основания жизни человека. Не произошло никакого возвращения к историческим основаниям жизни России, состоялось просто реформативное изменение человека, хотящего потреблять, в человека потребляющего.

Наша страна 30 лет постсоветской эпохи движется одновременно в двух разных модусах современности: включается в процессы апостасийной глобальной цивилизации и одновременно стремится сохранить свой суверенитет.

Но вопрос о суверенитете в глобальном мире не так прост, он требует изменения самой конструкции системы

координат в осмыслении соотношения индивидуальной и общественной природы человека. Патриотически ориентированная часть общества совершенно справедливо обеспокоена тем, чтобы создать в медийном пространстве позитивный образ Отечества, пытается найти точки опоры в нашем прошлом, на которых можно строить наш **цивилизационный суверенитет**, т.е. не только суверенитет государства, но и суверенитет духовных перспектив жизни людей, культуuroобразующих ценностных ориентиров, которые этим государством поддерживаются и защищаются.

Какие эпохи нашей истории берутся за образец? Эпохи успешного государственного строительства. Вот советская эпоха – мы были сверхдержавой, вторым полюсом биполярной структуры, на которой тогда держался мир. Вот имперская Россия. Екатерина Великая говорила: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выстрелить не смела!» Эпоха Московского царства. В учебниках её величие до сих пор принижается, школьники не в состоянии оценить мощи её государственности, глубины её культуры. Но вот дневниковые записи одного из бойцов войска Стефана Батория, осаждавшего Псков: «Какой большой город! Он больше чем Париж!». И это об одном из не самых больших городов Руси того времени. Какое же впечатление производила Москва? А вот оценка Макария, патриарха Антиохийского, посетившего Московское царство в 17 веке: он оценивает государство как «великое» и говорит, что это величие – награда за благочестие народа.

Вернуться в Россию – это ориентир для нас, для культуры, образования. Именно так называется замечательная книга Л.П. Решетникова³. И он говорит в ней не о земном величии. Он в ней говорит о верности даже до

---

³ Решетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013.

смерти. О тех людях, которые оставались верны заповеди блаженства, о которой говорит первый псалом Давида: «не идти на совет нечестивых, не стоять на пути грешников, не восседать на седалищи губителей» (Пс. 1: 1). Он пишет о скорбных страницах нашей истории, но скорбь эта обращается в радость, потому что они устояли, и память о них жива, и, ушедшие в прошлое, они ждут нас в нашем будущем, если мы, как и они, станем верны заветам отцов.

Нам необходимо возвращаться не к какой-то определённой эпохе земного величия русской государственности, но возвращаться в Священную Историю. Русская история совершалась всегда как часть Священной Истории. Московский современный исследователь А.Н. Ужанков прекрасно показал в своих работах, что собой представляют русские летописи до XV века. Это книги, которые писались на Страшный Суд. Их писали монахи, писали о деяниях русских князей: история описывалась как деяния людей, каждый из которых предстанет перед Богом. Историческое сознание русского человека было укоренено в Священной Истории.

В послепетровскую эпоху это сознание начали круто изменять. Историю повернули к земной успешности. Она стала историей строительства великого государства. А для верующего человека великое государство – это не его успех, это Божия награда за верность, это плоды древа, насаждённого у источника вод. Забота его о том, чтобы не уходить от источника, и тогда древо принесёт плод во время своё. Образ этого дерева тоже из первого псалма Давида (Пс. 1: 3). Такова библейская концепция власти. Так русский человек всегда жил. Всякий русский человек нёс свой крест. Крестьянину – прилежно землю пахать, хлеб сеять и собирать, священнику – службу Божию совершать непорочно, князю – землю оборонять, народ защищать, царю – и государство строить и оборонять, о на-

роде заботиться. И каждому – правду Божию соблюдать. Надо вернуться не к какому-то конкретному историческому образцу: имперской ли России, царской России московской, или ещё какой-то. А нужно вернуться просто в Священную историю. И тогда мы получим, как плоды, всё лучшее из возможного. Конечно хотелось бы взять всё лучшее из прошлых эпох, а всё плохое от них не брать. Но на земле всегда бывают и будут какие-то скорби. И что-то плохое всё равно будет.

Святейший Патриарх совершенно справедливо говорит о том, что пора перестать противопоставлять друг другу эпохи нашей истории. В каждой из них есть то золото, которое можно взять с собой в будущее. Это исключительно верно просто потому, что перед нами единая история нашего многонационального народа России, скрепляемого державным служением русского народа. Народа, который больше, чем нация, потому что он живёт не только в земной истории, но в Священной истории Вселенной. Наши павшие с нами в едином строю. И это так и есть. Прошлые поколения всегда с нами, и поэтому мы – самый многочисленный народ в мире.

Человек потребляющий – это антропологический тупик. Вырваться из него, стремясь к совершенству по одиночке, не получится. Русский антропологический идеал – это не индивидуальный, но соборный человек.

Русских как народа нет, пока «каждый выживает в одиночку». Только переплетение личного и общего питает и возвращает силу русскому народу, потому что по одиночке русские не выживают, не живут. В языке народа-победителя нет формы глагола «победить» первого лица будущего времени в единственном числе. Нельзя сказать по-русски «я победу». Есть только форма «мы победим». Структура языка отражает глубинные структуры самосознания: превозмочь беду, т.е. победить, возможно только вместе с братьями. «Брат наш есть наша

жизнь»⁴. – говорит прп. Силуан, русский крестьянин и афонский монах XX века.

Модель глобальной цивилизации находится в глубоком кризисе. Под ногами «современного человека» горит его глобус, в плоскости которого он пытался замкнуть человеческий дух, вырывая его из живой связи времён и отлучая от любви к ближнему.

Чтобы воспитать себя по образу настоящего человека, нам пора выходить во Вселенную. Даже не выходить, а взлетать. Как в старом советском фильме «Экипаж». Землетрясение в горах, всё горит вокруг, взлётная полоса начинает рушиться – и из огненного смерча взлетает самолёт, **покидая юдоль смерти.**

---

⁴ *Софроний (Сахаров), архим.* Старец Силуан. Эссекс: Монастырь Св. Иоанна Крестителя, 1990. С. 22.